

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ СОХРАНЕНИЯ ДИКОЙ ПРИРОДЫ

Владимир Николаевич Бочарников
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
vbocharnikov@mail.ru

философия природы, научное познание, функциональная экология, экосистемные услуги

Философия природы современности обеспечивает процесс познания сложных закономерностей взаимоотношения человека и природы. Выполнено обоснование концепта «дикая природа», в качестве междисциплинарной научной основы рассмотрены возможности использования концепций экосистемных услуг и функциональной экологии.

NEW LOOK BACK ON WILDERNESS CONSERVATION

Vladimir Bocharnikov

**Pacific Institute of Geography Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia**

philosophy of nature, scientific knowledge, functional ecology, ecosystem services

Contemporary philosophy of nature provides the learning process complex patterns relationship between man and nature. The justifications of the concept of "wilderness" as an interdisciplinary scientific basis considered the possibility of using the concepts of ecosystem services and functional ecology.

Более двух тысячелетий назад Аристотель смог обеспечить нас фундаментальным выводом о том, что природа устроена целесообразно. По его мнению, исследователю природы наиболее важно познать и соотносить все сущее: прежде всего, что такое «оно» (сущее) представляет собой; существует таковое на самом деле или нет; и если да, - то как существует? Он же, определяя физику как науку о природе, в этом контексте, саму природу обозначал как начало движения, сумму все изменений универсума, тем самым обосновывая те фундаментальные естественнонаучные основы познания природы, которые сохранились до настоящего времени. Следует согласиться с мнением древнего философа, что идеалом человеческого познания должно быть воссоздание разумом истинной картины природы. Но в этом должен быть отражен, сам характер человеческой деятельности, и человеческих взаимоотношений с природой, каковой не может быть осмыслен вне исторического мира культуры.

Гением Аристотеля была предложена системность и стадии познания, обозначены функции души, появилось концепция места (ho topos), им убедительно доказывалось существование двух самостоятельных первоначал – материи и формы. Природа является колыбелью человечества, основной базой его жизнедеятельности, она же превращается в злейшего врага, когда человек стремится достичь своих целей любым путем, не обращая внимания на последствия своей деятельности. Деятельность, как объясняет Аристотель, в известном смысле можно уподобить цели, и движение всегда совершается по

направлению к цели, причем вполне объективной, «каковой для всякого сущего является его актуальное состояние» [1, С. 194.]. Природа в широком смысле является объемлющим, а человек – объемлемым, тогда место – есть границы природы, это ее контакт с отдельным человеком, совершаемый в непрерывающейся череде осуществления невообразимого множества событий и явлений, длящихся в пространстве и времени, разнообразно соприкасающихся с индивидом, социальной группой, этносом, человеческим обществом, в целом.

В XV-XVI вв., интерес к изучению природы вновь привел к необходимости особого познания природы через пересмотр античных положений натурфилософии, которая тысячелетиями развивалась в рамках магических, мистических и религиозно-обрядовых практик. Французский математик и естествоиспытатель Рене Декарт предложил подразделение бытия на мир материи и мир духа. Он усматривал различные субстанции сознания и материи, тем самым, обозначая несомненное противопоставление человека и природного мира. На основе этого размежевания начинает выстраиваться антропологическая концепция, собственно, таким образом, отчетливо стало просматриваться, что философия природы как особая форма познания человека характеризует предметы природы под несомненным углом зрения их отношения к чувственности человека. В позднее средневековье, замещая существовавшую более тысячелетия концепцию божественного творца, постепенно начинает развиваться биологами эволюционная составляющая, более адекватно объясняющая суть «жизненного движения». Очевидным становится, что живое выступает как организующая сила, а природа – это лишь момент взаимодействия человека с внешним миром, некое предельное понятие, содержание которого наполняется каждый раз своим конкретно-историческим и социокультурным смыслом.

Иммануил Кант, исследуя природу живого, объявил, что организм не является простой машиной, и в отличие от неё, он сам по себе обладает формирующей силой. «Назвать природу, - пишет Кант, - и её способность действовать в органических продуктах аналогом искусства...недостаточно... Она же организует сама себя... для самосохранения... органическая материя служит орудием души... органический продукт природы - это продукт, в котором все есть взаимно - цель и средство» [2]. В развитии основ научного познания Декартом всесторонне исследуются дуализм, механицизм и рационализм; Лейбницем – предложено существо монад, где «выпукло» проступает принципиальный смысл: «в системе природы существует «организованность», созданная живым веществом». Так кардинально меняется исходный образ натурфилософии Нового времени, происходит важное отступление от прежнего редуцированного понимания того, что природа может рассматриваться лишь как сложное механическое образование или как тело, сконструированное из первоначальных материальных элементов; напротив, утверждается, что рост знаний о природе должен был происходить путем соотнесения биологических состояний и атомистической модели мира с признанием особости взглядов на живое в философии природы.

Натурфилософия в ее эволюционном формате представляет всегда собой форму культурно-философских исследований, ставящую перед собой задачу рационального постижения целостности природы и раскрытия различных уровней природы как связанного целого. Собственно, отсюда «вытекает» принципиальная идея ноосферы. Ведь философия природы в том виде, как она развивалась в новоевропейской культурной традиции, всегда заметно коррелировала с достижениями науки. Она выдвигается как средство природного спасения, направленное против законов агрессии жизни [3, С. 167]. Но если в средние века, античное понимание природы сохранялось тогда еще в основе своей, то базовая аристотелевская идея была непомерно расширена и трансформирована в признаваемые учения толкующие вселенную лишь в соответствии с признанием божественного начала всего сущего, то в Новое Время стало объяснимой: «природа теперь - это весь мир, кроме самого Бога... Природа начала пониматься как

«сотворенная», как «творящая» и «природа для человека» [5, С. 234.]. Отсюда, впрочем, получило начало, популярное истолкование процесса научного познания как формального конструирования в соответствии с принятым образцом, как подведение исходного многообразия под общий «знаменатель» [4].

Так возникает четкое понимание того обстоятельства, что ответы природы на наши вопросы определяются не только устройством самой природы, но и способом нашей постановки вопросов, который от исторического развития средств и методов познавательной деятельности. На этой основе вырастает новое понимание категорий истины, объективности, факта, научной теории, объяснения и т.п. «Первостепенной задачей каждого познания является безустанное приближение к истине о природе. Границы познания постоянно передвигаются вглубь. Пласты эмпирических данных, в конце концов, преобразуются в обобщения, часто имеющие абстрактное измерение» [6, С. 12]. Абстракция стала фактически правилом, интегральной частью описания и неотъемлемой формой понимания природы. Но в то же время, принятый фундаментальный строй мысли, достаточно жестко задает объем содержания знания, формирует представление об онтологии, о существовании объектов определенного типа. Фундаменталистская стратегия познания, принадлежащая к числу магистральных идей рационализма исходит из того, что «все сущее происходит от «единого корня» (или «фундамента»), и некое корневое начало придает всему разнообразию универсально - обезличенные черты.

Именно для такого способа восхождения к единству - характерна теоретичность, ведь с помощью идеи общих начал, субъект обучается выделять общие непреходящие смыслы и окружающие его явления. Исходным здесь является представление о базовом знании как о стандарте, определяющем строй и направление познавательной деятельности. В этом случае, применяемая широко научная метафора стала позволять дополнять, вскрывать, обнаруживать у изучаемых прототипов неизвестные свойства, обращая исследователя к коллективному метафорическому опыту человечества, и тем самым, успешно способствуя формированию новых познавательных ассоциаций. Существенной чертой этого исследовательского средства должно стать убеждение во внутренних ценностях, содержащихся в структуре (натуре) природных форм бытия. Таким образом, за несколько тысячелетий в натурфилософских концепциях было выдвинуто много интересных идей имеющих прикладной характер, они стимулировали развитие конкретных естественнонаучных знаний, но следует отметить, что начиная с XVII в., в новоевропейской науке стал доминировать классический тип рациональности. Таковой стал возможным только тогда, как удалось расширить само понимание человека, чем занимается специальная область познания – философская антропология [7].

С зарождением философской антропологии появилась возможность закрепить понимание, что начавшийся процесс научного подтверждения отчуждения человека от природы в недавнюю историческую эпоху окончательно оформляется в новоевропейской мысли [8-10]. В научный обиход вошли, разработанные Гегеле фундаментальные теории типа в философии, обозначающие вопрос о всеобщем как образце для единичного. Теоретическим соотношением, утверждал Гегель, необходимо видеть специфическую форму практического отношения, и тем самым следует выявлять соответствующие аспекты субъективности, лежащие в основе объективно-мыслительных структур. Кант доказывает, что если все, что мы знаем об объектах внешнего мира, - это их образы, отражения, явления в нашем сознании, то тогда и теоретический разум должен отличать сами эти объекты от их проявлений в нашем сознании. Основная идея тогда в этом состоит в том, что объективность и предметность научного знания достигаются только тогда, когда из описания и объяснения исключается все, что относится к субъекту и к процедурам его познавательной деятельности. Происходит все более убыстряющийся процесс дифференциации способов и направлений познания, хотя широко распространенный редукционизм позитивизма в своем наиболее радикальном виде

ограничивал познавательные возможности всех естественных наук в зависимости от степени использования языка физики для построения абстракций и постановки задач [6, С. 8].

Натурфилософия в XIX в. как самостоятельная дисциплина постепенно исчезает с философского горизонта, параллельно с падением убедительности спекулятивных рассуждений, и небывалым ранее ростом доказательной научной экспансии. Впрочем пришедшая на смену прежней натурфилософии, философия науки, в т.ч. и естествознания, не смогли целиком заполнить тот вакуум в познании и объяснении всего того разнообразия природного, и тем более не преуспели в объяснениях сложнейшей паутины взаимосвязей природного с человеческим. Более того, как раз в этой огромной области непрерывающегося познания, смысловые связи между онтологическими моделями не только различных наук, но даже внутри одной науки оказались трудно улаживаемыми и предстают просто не совместимыми друг с другом. Вместо абсолютизации привычной модели субъективно-объективного противопоставления человека и природы необходимо выработать новую модель познания, которая смогла бы учесть неразрывную органическую включенность человека во все природные процессы. Но каждая из участвующих в этом научных дисциплин может быть представлена лишь интегрирующей своей частью, памятуя о том, что «... абстракция остается интегральной частью описания природы. Она могла бы измениться лишь тогда, когда изменился бы описываемый мир. Она исчезла бы вообще, если этот мир перестал существовать» [6, С. 12]. Так постепенно сама идея исторической изменчивости научного знания, относительной истинности вырабатываемых в науке онтологических принципов постепенно и успешно стала соединяться с новыми представлениями об активности и воздействии на результаты исследований самого субъекта познания.

Интеграция знаний – важнейшая функция любого научного образа, и именно в таком стремлении присутствует одновременно все его содержание, в то время как, сам стержень онтологии науки представляет собой метаанализ познавательных схем и фундаментальных метафор научного знания. Предельным обоснованием этого понимания станет философия природы, а сам синтез философии и экологии делает особо значимыми текущие изменения господствующих мировоззренческих представлений. Для поиска решений постепенно наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности. Одной из таких стало то, что образ природы в XX в. усложнился. Он не просто дифференцировался, а скорее распался на многие познавательные локусы. И тот факт, что ойкуменой стала вся планета, и что человечество приобретает целостные черты невообразимо гигантского организма (у людей появляется единая цель, преобладающий вектор и определенный потенциал к общечеловеческому достижению), позволяет определить экологический императив как одну из понятных схем планетарной системы запретов и регулирований с оптимизирующейся организацией общества, способной обеспечить прогресс цивилизаций в условиях имеющейся природной среды.

Отметим, что историчность системного комплексного объекта и вариабельность его поведения предполагают широкое применение особых способов описания и предсказания его состояний – построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации. Отчетливо закрепляется понимание, что взаимоотношение человека и природы – это проблема проблем, и извечный конфликт, и таковой по сути свой – вечен, не решаем, перманентно остающийся актуальным, тем самым, постулируется острая необходимость вновь и вновь обращаться к истокам и эволюции этой вечной проблемы. Синергетическая методология в науке, делает понимание нелинейности мира не только интеллектуальной, но и жизненной необходимостью, что предполагает движение естественнонаучного знания к осознанию его связи с такими морально-нравственными компонентами, как ответственность, вина, смысл, идеал, вера, свобода и другие. Такая

ориентация современной науки на исследование сложных исторически развивающихся систем далее существенным образом перестраивает идеалы и нормы исследовательской деятельности. Не менее важный аспект целесообразности междисциплинарной кооперации в изучении взаимодействия природного живого связывается с достижениями эволюционной биологии экологии, этологии и популяционной генетики XX в., в которых усилиями ученых убедительно успешно были показаны своеобразие и важность процессов различной направленности в обширной области сосуществования человека и природы.

Именно достижения естественных наук представляют собой исходный пункт философской системы, служат верификации философских гипотез, являются основанием постановки фундаментальных вопросов. Вместе с данными о мире, происходящими из повседневного опыта, они демонстрируют свойства природной действительности. Для обоснования же предельно общей позиции следует принять за основу постановочный тезис о том, что возможность построения традиционно понимаемой философской системы связан с познаваемостью и рациональностью природы, тогда существование в природе закономерностей в чередовании явлений и природных событий друг за другом, стимулируют задавать вопрос об их сущности и диапазоне обязательности (природная детерминированность). Задачей философов является нахождение их объяснения в рамках системы философии природы. Обязательно учитывается, что пространственность и изменчивость мира (течение времени) неразрывно связано с восприятием человеком материальной действительности, что предопределяет запрос: «самосуществует ли физический мир, или он также зависит в своем существовании от действительности, трансцендентной относительно него?» [12, С. 350-351]. Биологи, в свою очередь, говорят о геннокультурной коэволюции, о совместной эволюции психики человека и социокультурной эволюции, о коэволюции природы и человека... при этом остается актуальным извечное вопрошание и отдельного человека – индивидуума, и группового (всего человечества) по следующим позициям: насколько мы еще принадлежим и зависим от природы; насколько и в каком смысле человек выходит за ее пределы; кем и чем предстает сам в этом взаимодействии, создавая и развивая антропосферу» [11, С. 150-151].

Полемика же между представлениями разных эволюционных теорий и естественнонаучных направлений во многом обуславливается малоуступчивым отстаиванием альтернативных онтологических моделей, непоследовательностью и противоречивостью дискуссий по результатам различных интерпретаций реальности в науке. В социогуманитарном подходе к наиболее известным теориям относятся: концепции «индустриального общества», «постиндустриального общества», «супериндустриального общества», «технологического общества», «технотронного общества» (Д. Белл, Э. Тоффлер, З. Бжезинский), а еще: «информационного общества», общества «устойчивого развития» и многих вариантов достижения желательной стадии экологического императива (ноосферное мышление). Можно отметить, что здесь в противовес идеалу единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания.

Итак, со второй половины XX в. усиливается необходимость в формировании нового понимания основ философии природы, так она становится философскими размышлениями об онтологических предпосылках, о когнитивных, гносеологических принципах и подходах, о ценностных и деятельностных ориентациях человека в его новых отношениях с природой. Широкий круг вопросов рассматривается в ней, начиная от свободного незаинтересованного любования природой, соответствующими диетами и гигиеной повседневной жизни до различных способов «расширения сознания» - особых форм мышления, морали, удовлетворения, счастья и любви, что близко смыкается с мистическими направлениями, религией и духовными практиками Востока. Философия природы активно проявляет свое антропологическое измерение, будучи одновременно

философией жизни в согласии с природой и, особым пониманием состояния человека, детерминированного измененной им природой и поиском смысла человеческим деянием, направленным на дальнейшее существование и преобразование социализированной природы.

В реализации же философского исследования по наиболее общим темам природно-человеческого, обозначаются здесь три основных аспекта. Первый, «метафизико-экзистенциальный» - это стремление сохранить существование и индивидуальность человека и биосферы. Основная проблема лежит в стремлении найти дальнейшие возможности или границы реализации человеческого стремления «быть чем-то большим». Очевидно, что и самого человека можно рассматривать в смысле видовом, т.е. в категориях биологическо-экологическо-популяционных, и в этом аспекте изучать его воздействие на природную экосистему. Другой, цивилизационно-общественный, по своей сути, представляет оспаривание аксиологических оснований прежнего направления цивилизационного развития глобализированного человечества. И наконец, экзистенциально-природный вектор – здесь реально показывается все возрастающая угроза дальнейшему существованию человека как биологического вида [11]. Всесторонне исследуется одновременно то, что предопределяет специфику и «видовую сущность» человека; т.е. очевидным образом принимается во внимание социальный способ существования как отдельного человека – представителя данного вида, и понимается само это – как то самое новое качество, которое образовалось постепенно в процессе биологической эволюции.

Важны еще проблемные вопросы по анализу различных форм социальной жизни, хозяйственной деятельности, образцов культуры и доминирующих в социальной жизни и сфере политики идеологий – с точки зрения их места и роли в совместном создании системы «человек (общество) – природа». В этом аспекте речь идет, прежде всего, об исследовании факторов, определяющих «социальное конституирование» природы или, говоря иначе – о влиянии перемен, происходящих в биосфере на социальные процессы, формы, структуры и содержание всей социальной жизни, на хозяйственные перемены и т.п. Когда то традиционная философия природы начиналась иллюзией возможности ее познания с позиции внешнего наблюдателя и всегда была стимулирована страстью познания индивида. Но и ныне все еще обычен дуализм выбора фокуса внимания: гуманистический, антропоцентрический («человеческий» приоритет) либо биоцентрический, холистический или даже космоцентрический подход («природное» главенство). Сам человек – как в равной степени элемент природы, так и трансцендирующий ее субъект, действующий в теоретической и практической сфере. При этом он все же должен быть не просто «абстрактный человек»: таковым в различных измерениях уже занимается множество наук о человеке, а то, «чем и кем является человек» в общем ставит и решает различным образом исследовательский вопрос только философская антропология.

В ней рассматриваются вопросы стремления к гармонизации индивидуальной жизни с природой в категориях смысла и цели жизни, источника удовлетворения и способа самореализации в растущей связи с кругами природного и человеческого существования. Несомненно, следует выделять и противопоставлять человека природе и рассматривать его как индивидуума как конкретный экземпляр вида *homo sapiens* с его биопсихическими и социальными свойствами и воздействием на природу. Все чаще среди ранее абсолютно доминантного, стали подниматься вопросы, касающиеся места и роли природы в индивидуально переживаемом и ценностном экзистенциальном восприятии мира, проблемы экологического стиля жизни; приветствуется анализ собственного существования; познания исключительности поведения и отношения к природной среде с точки зрения их влияния на качество жизни; вопросы удовлетворения жизнью, здоровьем, ощущением счастья и т.п. Обозначается, таким образом, обширное по представительности и сильно дифференцированное «экологическое течение в философии природы», с разных

позиций определяющих предмет, проблемы, приоритеты вполне конкретных исследований.

Здесь говоря о классификации «по горизонтали» в содержательном плане, следует отметить и выделить две важные стороны экологической картины мира – естественно-экологическую и гуманитарно-экологическую. Впрочем, в экософской рефлексии, человек является понимаемым в четырех фундаментальных измерениях (хотя большинство авторов обычно не проводят этого различия, размышляя о человеке «вообще», либо концентрируясь на биологически-видовом или социальном способе человеческого существования). Очевидно, что здесь именно антропологические аргументы будут играть возрастающую роль при усиливающейся тенденции гуманизации в социокультурной динамике науки. Но новое общественное измерение человеческого существования проявилось достаточно поздно. Лишь во второй половине XX в. «высветилось», что человек – это еще одна единица – «глобализированное человечество», более того, не только новое измерение, но и новое качество социально-технологической, хотя все же еще глубоко, основывающееся на природе, жизни людей, начатое с возникновения техносферы.

Параллельно с этим приобретением, с 70-х годов XX столетия была обозначена особая сфера философской рефлексии – экофилософия, ведущей свое происхождение с объявления «глубинной экологии» Арне Нэссом [см. 18]. Знаменательно то, что норвежский философ назвал свою оригинальную философию (Экософия-Т), основываясь на своем личном опыте проживания в поместье “Tvergastein”, домике в горах, на основе общения там с окружающей средой, с которой он чувствовал себя эмоционально связанной. Он полагал, что каждый способен индивидуализировать свое понимание и переживание природы, что дает безукоризненное основание на использование этой концепции в обосновании и продвижении наукой, развиваемого мной концептуального представления «дикая природа». Если норвежским философом рассматривалась возможность создания нового подхода, оспаривающего существование лишь «исключительно теоретико-философского, «объективистского» объяснения природы и, здесь философии выпадала задача основательной ревизии отношения человека к природе, то я считаю необходимым, как бы подстроить еще научную надстройку над данным пониманием – формированием конкретных и посильных для сегодняшней науки задач, основывающихся на изучении закономерностей существования дикой природы [11].

Хруль Збигнев рассматривает специфику современной философии природы. Им подчеркивается, что философствование (философия) является «интурсубъективным артикулированным, теоретически упорядоченным и объективированным выражением и результатом человеческого стремления к экзистенциально существенному, общему и целостному **понимания** мира (действительности), человека и его отношения и взаимодействия с этим же миром... любая философия является творением человека, ибо она всегда несет на себе следы человеческой принадлежности к миру» [12, С. 141]. Как часть общеполитической рефлексии в современный период, он обозначает ее цели как *«исследования – а) задач, свойств и характеристик естественных наук (природоведения); б) философских оснований природоведения (например, определение природы естественных начал, их структуры и взаимных отношений, управляющих ими законами) и определенных проблем и решений»*. Безусловно, социогуманитарная составляющая глобализирующейся экологической картины мира – неотъемлемая часть экологического знания, но для выявления ее наиболее общих оснований следует подчеркнуть ту важную связь, что существует между пониманием и определением (называнием, выяснением значений, помещением в контексты); объяснением – как указанием на универсальные, обязательные законы и проблемы, образующими причину существования и детерминирующим сущность предмета рефлексии; и оценочным переживанием как экзистенциальным восприятием действительности, ангажированным соучастием в познавательной и практической деятельности людей) [12, С. 142-143].

Им принимается во внимание тот факт, что «содержанием названия *среда* часто охватывается не только то, что повседневно называется (естественной) природной средой или «естественной совместной средой» (К.М. Мейер-Абих), но также все внешние социально-технические компоненты человеческого существования и функционирования» [12, С. 147]. Определяющим является авторский вывод о том, что: «*речь идет... не только о природе как теме теоретической философии, но также о природе как объекте человеческой деятельности: философия природы становится частью практической философии*» [12, С. 143-144]. Х. Збигнев отмечает, что «философия природы, как указывает само название, концентрируется на природе, а следовательно, на всем том, что по всеобщему убеждению существует вне сознания и независимо от него; представляет собой какую-то целостность (общность, совокупность) предметов, взаимозависимостей и отношений между ними, является сферой эмпирически подтверждаемых событий, явлений, процессов; телесностью, которая существует сама по себе и функционирует; тем, что физически независимо от человека» [12, С. 142]. Следует согласиться с тем, что философия природы имеет два – «узкое» и «широкое» значения. Последнее обозначается и трактуется очень просто: это вся Вселенная. Первое же позиционирование, чаще всего бывает связано лишь с ее отождествлением со многими значениями философии науки, точнее философией естествознания, где научный доказательный дискурс, язык физики и математики, все то, что объясняется количественными категориями, и в самом узком понимании – составляют сферу жизни на Земле вместе со всем ее абиотическим субстратом и фоном (биосферу).

В конце 80-х годов прошлого века, Н.Ф. Реймерс, обозначил понятие: дикой природой можно назвать природные (естественные) экосистемы Земли, или это те территории, где человек проявляет себя как биологическое существо, следовательно, это – территории, в пределах которых хозяйственное воздействие (антропогенная нарушенность), минимальна. К XXI в. произошли столь заметные изменения, что философия природы должна вновь себя утверждать как область философского знания, исследующая наиболее фундаментальные, предельные основания бытия природы. Вместе с тем в философии ныне много обращается внимания на важность осознания многообразных онтологических моделей современной науки; на то, что природа должна мыслиться совершенно иначе, чем когда-то в истории, в ее натурфилософском представлении. Признаем в этом наиболее очевидное: ресурсная парадигма до сих пор продолжает оставаться ведущей силой экономического развития в современный период. И нам следует наглядно показать, что при определенном критическом уровне изменения природных экосистем (степени исчезновения ресурсов дикой природы), человек (желательные территориальные социально-экономические системы) существовать уже не сможет. Строя картину мира, современная философия осознает, что картина природы – это картина наших взаимоотношений с природой, что сама наука вплетена в сеть духовно-практических взаимоотношений человека с природой. Они характеризуются отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания.

Рассматривая природную (экологическую) составляющую в полной мере, именно с позиций пересмотра многих известных фактов, касающихся природных ресурсов и биосферных функций следует объяснять происходящие очень сложные перемены в глобализирующемся мире. И.К. Лисеев обозначает: «Философия природы – область философского знания, исследующая наиболее фундаментальные, предельные основания бытия природы....» [13, С. 29.]. Так остро обозначается актуальность разработки и внедрения новых идей в природопользование, где до сих пор неизменным остается примат материализма, продвигается приоритетность рационализации и конструктивизма, при этом абсолютно не учитываются многие современные социально-экономические тенденции, связанные с индивидуализацией в социуме, изменением этнической идентичности и ориентацией на персональные потребности. В этом смысле экологическое

знание все еще отображает не столько природу и общество в отдельности, сколько отношение человека к природе. В этом ключе, возьмем и рассмотрим тему, привычно обозначаемую под рубрикой «экологические проблемы», в которую входит анализ нарушений функционирования (разрушения, деградации) прежних форм и способов выражения отношений и взаимодействий между человеком и природой (часто определяющимся через такие обозначения как экологический кризис или кризис биосферы).

Х. Збигнев утверждает, что «независимо от того или иного «аксиологического предпочтения» доминирующим, центральным предметом изысканий является отношение, взаимодействие между образующими единство элементами. Жизнь – это борьба за существование, удовлетворение потребностей существенно разных у человека и у всех остальных живых существ. Рассмотрим сие положение посредством «вложения» в философию природы - **концепции функциональной экологии** (А.С. Керженцев), которая рассматривает ситуативную проблематичность, те условия, в которой человек разумный *Homo sapiens* как биологический вид вступает в конфликтные отношения с метаболизмом экосистемы. Здесь существенны очень важные нетривиальные аксиологические размышления о «внутренней ценности» природы и различных ее элементов (экосистем, живых существ и даже неодушевленных предметов и систем), и причины усложнения взаимодействия между человеком и природой (пока распространен лишь анализ доминирующих систем человеческих ценностей и их роли в степени оказания воздействия на природу, прежде всего в конфликтных случаях) [12, С. 149-150]. Таким образом, становится очевидным, что глобальные последствия изменения человеком окружающей его среды могут регистрироваться практически везде, но для их идентификации неизменным остается необходимость определиться с пространственно-временными координатами, и современной необходимостью взаимодействия человека и природы.

Здесь останавливаемся на актуальности применения научных положений функциональной экологии в развитии следующих выводов: антропогенные факторы прямо воздействуют на структуру экосистемы путем изъятия, привноса или трансформации экомассы (биомассы) и ее компонентов (рубка лесов, выпас скота, сенокос, посев монокультуры, внесение удобрений и т.п.). Есть еще и факторы смешанного характера – отопление, увлажнение, изъятие, привнос или трансформация экомассы в результате стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпизоотии, землетрясения и пр.). Их необходимо рассматривать в единстве, и функциональная экология, по своей роли она аналогична физиологии, которая рассматривает жизнедеятельность человека в процессе его постоянной адаптации к происходящим изменениям между средой и самим человеком в стремлении достижения гомеостаза. Главные вопросы здесь: **что, где и как** следует сделать?

Но такое утверждение, впрочем, как и любая обычная формулировка «природа» звучит весьма неопределенно в смысле ее практического применения. Очевидно, будет важным провести понятийную границу между вышеприведенной формулировкой и основным широко распространенным энциклопедическим пониманием термина «природа»: *«как совокупности естественных условий существования человеческого общества, на которую прямо или косвенно воздействует человечество, с которой оно связано в хозяйственной деятельности...»*. И в ответе на первый вопрос выше мы показали, что конкретный ответ лежит в контексте того, что следует понимать под словосочетанием «дикая природа». Прикладной же аспект данной проблемы состоит в следующем: мы мало что сможем реально изменить в тех процессах антропогенного характера, которые повсеместны в густонаселенных человеком регионах. Здесь природосохраняющие затраты нереально велики, но мы способны предпринять вполне эффективные меры для тех малонаселенных и малонарушенных регионов, там где есть что еще сохранять.

В широком же смысле «природа – это весь материально-энергетический и информационный мир Вселенной (Универсум)» или в географии «Геоверум», и последнее положение мы берем за обоснование того, что нами рассматривается задача выделения и характеристики состояния природных экосистем (территориальных социально-экономических структур) прежде всего как вполне определенная географическая (эколого-географическая) задача. Но у Збигнева приведено такое понятие «экологическая мудрость», которое относится к «четкости, искусности выполнения соответствующего адекватного распознавания (объяснения), решения и эффективного действия в сфере отношения человека (общества) и природы, основываясь на принятых экологических ценностях» [12, С. 148]. Здесь учтем, что подобно тому, что именно в междисциплинарных исследованиях наука, как правило, сталкивается с такими сложными системными объектами, которые в отдельных дисциплинах зачастую изучаются лишь фрагментарно, поэтому эффекты их системности могут быть вообще не обнаружены при узкодисциплинарном подходе, а выявляются только при синтезе фундаментальных и прикладных задач в проблемно-ориентированном поиске.

Такие целостные, но проблемно-ориентированные исследования позволили бы на основе комплексного выявления участков дикой природы внести коррективы в расчеты путей перераспределения природных богатств, определить дополнительный доход, возможный для извлечения регионом новых ценностей за счет своего благоприятного эколого-географического положения, и главное, за счет поощрения своих действий по защите дикой природы. И поскольку философия XX в. осознала невозможность построения учения об объективной природе как таковой безотносительно к процедурам наблюдения, измерения, эксперимента и теоретического размышления, следует принять за рабочую основу, что прежнее расчленение на субъект и объект познания, на внешний и внутренний мир уже более не приемлемо. Факторы же внешнего воздействия на экосистемы (в первом приближении) можно разделить на три категории: природные, антропогенные и смешанные (природно-антропогенные). Суть выделения экологических проблем в том, что для нас – это обозначение, «проявление» всех острых ситуаций, горячих точек (районов, зон, территориальных экономико-социальных систем), где существуют явные конфликты между общественным (промышленным) развитием и сохранением естественной природной среды (различной степени интенсивности в зависимости от масштаба события и иерархии рассмотрения).

Как ключевой пример отметим здесь достижение широко распространенного сейчас мнения о том, что биологическое разнообразие – является одной из важнейших природных функций геосферы Земли, которое находится под доказанными угрозами во всех регионах мира. И как термин и явление, если в середине XX в. биоразнообразие было известно лишь немногим биологам и отдельным специалистам в области сохранения живой природы, то после знаковой Конференции в Рио в 1992 г. проблему биоразнообразия стремятся выявить и объяснить специалисты многих наук. С научной точки зрения, географическое пространство биоразнообразия может описываться собственной иерархической структурой на суше, и на море, и таковая может быть представлена как многоуровневая спираль, основными уровнями которой представляются: глобальный, региональный, провинциальный и локальный уровни как управленческие плацдармы для практического исполнения [15-16].

Конкретика новых масштабных задач по сохранению биоразнообразия в третьем тысячелетии была утверждена для исполнения международным сообществом в контексте сокращения потерь глобального биоразнообразия на недавнем юбилейном совещании Сторон Конвенции о биологическом разнообразии (г. Нагоя, Япония, 2010 г.). Логичным следующим шагом стало решение ООН об объявлении 2011-2020 гг. – **Декадой биоразнообразия**. На одиннадцатой Конференции Сторон Конвенции о биологическом разнообразии (Индия, 2012 г.) был принят самый амбициозный стратегический план сохранения живой природы во всех регионах мира на ближайшие пару десятилетий. И в

этой связи, именно научная теория учений о географической среде, природопользовании и геосистемах нуждается в новом осмыслении, поскольку уже кардинально изменилось понимание роли отдельного человека в контексте его взаимоотношений с природой. В этом контексте отметим, что научное пространство географии сейчас активно перестраивает прежние достаточно жесткие границы своих научных интересов, и вероятно в русле такой переориентации следует поощрять всемерно распространение междисциплинарного подхода и модернизацию теоретико-методологических, концептуальных представлений как блока дисциплин физической, так и экономической географии, везде ориентируясь на новое, и прежде всего в рамках интеграции этих ветвей географии следует обратить внимание на новые тенденции междисциплинарной разработки основ «зеленой экономики».

Отметим здесь как рабочий момент, что если в экономике фактор – это отпечаток энергии инноваций прошлого, застывший в виде структуры пространства. Новации же генерируются этой структурой, транслируются на данном структурном основании и акцептируются или отторгаются этой структурой, и это должно вписываться в структуры и функции, что мы выделяем во взаимосвязи экологии и экономики. Пока же, традиционно рассматривая территорию как совокупность целостных природно-хозяйственных систем, и соотнося в их границах функциональные уровни для оценки биоразнообразия, с выбором приоритетов его неистощительного использования, обозначенных посредством социально-экономических принципов природопользования, а также ориентируясь на структурную и объемную изменчивость природно-ресурсного потенциала, можно вполне успешно выявлять и корректно идентифицировать происходящие изменения и последствия этих изменений природных экосистем в долгосрочной перспективе в любом регионе мира. Итак, продолжим, чем же может быть наполнен процесс исследований по дикой природе?

В нашем представлении, основным функционально нагруженным понятием, должно фигурировать концептуальное словосочетание - «дикая природа». И для рабочего применения здесь отметим, что только в самом широком смысле «природа» способна обеспечить роль совокупного объекта для всего комплекса естествознания как науки и экологии. Признаем, что в контексте реальной ситуации, до сих пор сохраняющейся на постсоветском пространстве в условиях современного глобального мира резко возросло искушение (подкрепленное реальными возможностями победителей из «западного мира») эксплуатировать ресурсы цивилизации как бесплатные. Отправной точкой актуальности введения данного концепта становится представление о том, что – дикой природы ныне уже осталось слишком мало для ныне живущего поколения! И надо с этим что-то и как-то делать сейчас, сегодня, но и завтра, и послезавтра! И нам и нашим детям уже сейчас не хватает дикой природы, если это мы способны подтвердить. Здесь нужны кардинальные перемены в представлениях лиц принимающих решения по природопользованию и природоохранной политике на самом высоком уровне. Сама же возможность будущего развития человечества определяется способностью человека найти и обеспечивать **режим коэволюции** – сосуществования в гармонии с природой.

«**Концепт**» - в современном представлении, это инновационная идея, содержащая в себе креативный смысл. В более общем смысле в науке чаще используется данный термин в его начальном смысле [лат. *conceptus* понятие, мысль, представление]. Хотя говоря о человеке, следует иметь ввиду «общество» - цивилизацию, человеческое сообщество, действительно живущее в определенной природной среде и нуждающееся в ней для своего существования, но благодаря социо- и техносфере, устанавливающего собственные законы функционирования в природе и стремящегося навязать ей свои «правила игры». Последние хорошо иллюстрируются многообразными и противоречивыми проблемами между доминирующим ныне цивилизационным направлением развития и конечностью (ограниченностью) ресурсов. Отметим, что на глобальном уровне масштабность негативных проявлений потери биоразнообразия корректно отображается через известный

дефицит природных ресурсов, чрезмерный рост численности и плотности человеческого населения, избыток отходов жизнедеятельности человека, проблемы здоровья как самого человека, так и окружающей его среды (здоровье человека = здоровью экосистем). И для обоснования актуальности и доказательств наших утверждений хорошо говорит факт того, что общемировые темпы потери биоразнообразия во всех регионах мира замедлить не удастся в течении последних трех десятилетий. Необходимо принципиально иное международное восприятие российских природных ресурсов, прежде всего ориентированное как процесс максимального полного учета имеющихся и фактически используемых экосистемных функций. И в этом стратегическом направлении помог обозначить новые возможности недавно завершившийся процесс в ООН «Рио+20» - грандиозная процедура подведения итогов реализации политических решений в природоохранной сфере. В новом предложенном формате, основной концепцией для отображения информационного состояния дикой природы сейчас будут показатели биологического разнообразия, и прежде всего, важнейшие для человечества ее составляющим – биосферные функции и экосистемные услуги.

Концепция экосистемных услуг является современным зарубежным развитием отечественного географического учения о территориальной организации хозяйства и общества; она же добавляет новые позиции в теории регионального развития и в методологию геосистемного подхода, обеспечивая приоритет равнозначности экологических, экономических и социокультурных факторов. Разработка тематики экосистемных услуг, в самом общем смысле принимается как *все те выгоды, которые человечество получает от экосистем* или, конкретизируя данное, отмечаем, что среди многочисленных экосистемных услуг выделяют: снабжающие (пища, вода, лес, сырье); регулирующие (воздействие на климат, контроль над наводнениями, стихийными бедствиями, качество водных ресурсов и пр.); культурные (рекреационные ресурсы, эстетические и духовные ценности природы) и поддерживающие услуги (почвообразование, фотосинтез, круговорот азота и пр.). Экосистемные услуги обеспечивают потребности человека, и, следовательно, становятся обязательными условиями ведения жизнедеятельности и поддержания состояния здоровья, как человека, так и окружающей его природной сферы. Понятно, что географическое обоснование общественных потребностей с учетом экологической емкости географической оболочки, ее составляющих и территориальных структур (экосистемы, геосистемы и т.п.) оказывается возможным развивать в рамках теории согласования экологических, экономических и социальных интересов в кратко-, средне- и долгосрочных задачах.

Пока же в географии природопользования пространственные характеристики выражаются в соотношении понятий, характеризующих качественное и количественное состояние природной среды, природопользования, статистических характеристик населения и хозяйства и обобщающих единиц. Как наиболее распространенные в географической науке это будут: геосистема (В.Н. Сочава); территориальная социально-экономическая структура (П.Я. Бакланов); биом (Г.А. Воронов); экологический район (А.Г. Исаченко) и т.п. Глобальный экономический кризис и парадоксы с глобальными изменениями климата сфокусировали внимание политиков на нереалистичности нынешних природоохранных приоритетов мирового сообщества. Безмерное расширение своего места со стороны человеческого общества, или его экологической ниши, ныне ведет к разрушению среды обитания человека. Но для научного понимания сущности дикой природы подходит в наибольшей степени функциональная экология, где ее объектом служит механизм деятельности экосистем, законы их изменчивости во времени и в пространстве, что вполне возможно совместить с традиционной географической методологией исследований. Такая ревизия должна касаться основных аспектов (измерений) человеческого сосуществования с природой; ее познания, переживания, оценки, преобразования и использования. В управленческой схеме основываемся на тезисе: «Глобально мыслим – регионально исполняем»!

Итак, констатируем, что если в макроэкономике термин «услуга» был достаточно давно известен, то применительно к экологическому содержанию данного понятия понимание его существенно расширилось лишь относительно недавно как обозначающее «особого рода отношения в контексте удовлетворения потребности человека». Поясняем необходимость использования данной концепции тем, что люди, внутренне разделенные и враждебные, но все-таки зависящие друг от друга как целостность в глобальной шкале, так преобразуют и деградируют земную биосферу, что ставят под знак вопроса свое дальнейшее социально-видовое существование. Будет здесь разумной и понятной для политиков лишь та позиция, при которой убедительно показывается, что изменение видового состава экосистемы – эта вся та же адаптивная реакция на изменение критических факторов среды обитания, которые такие же как и у человеческого организма: а изменение ритмики дыхания, кровообращения, сердцебиения является адаптивной реакцией на внешние воздействия, и может привести к летальному исходу, если воздействие чрезмерно, и адаптационные способности организма непоправимо нарушены. Что касается интеграционной базы в общей организации результатов исследований дикой природы, считаем, что в рамках сотрудничества географии и биологии – связывающим звеном является биогеография.

И ориентируясь на российские приоритеты, и иерархически разные условия (национальный, региональный и особенно локальный уровни), мы можем обеспечить научно-информационную базу, достаточно убедительные основания к тому, чтобы доказательно утверждать, мы знаем вполне надежно те реалистичные возможности сохранения дикой природы нашей страны. Поэтому требуется привлекать специалистов из сопредельных географии дисциплин и разрабатывать новые классификационные форматы и системно-структурные разработки для переосмысления новой «рамки», в которую природу ныне «обрамляет социум». Особенно ценными и перспективными совместными работами должно стать разнообразное применение фундаментальных результатов системных исследований в разработке схем районирования (социально-экономические, эколого-экономические и социально-экологические и др.), и классификациях различного предназначения. Для понимания как можно представить дикую природу как имеющую потребительскую ценность, скорее всего, потребуются изучение новых элементов территориальных структур, появившихся в новых рыночных условиях (география маркетинга, анализ потребительской среды региона). Специфический предмет экономико-географических исследований – закономерности формирования и развития потребительской среды, выступающей в качестве сферы деятельности человека, они в наиболее тесно оказываются связанными с местными социально-экономическими условиями жизнедеятельности населения. Сюда стоит добавить то, что теоретическая основа - социально-экономическая география - дает возможность призвать положения инновационной теории «мироздания» и пространственно-формируемой диффузии нововведений (В.Л. Бабурин).

Подчеркиваем, что первый обязательный элемент в предполагаемой работе – организация и удобное пользование систематизированной информацией. В отношении всех уровней рассмотрения (территориальные социально-экономические системы, экосистемы, биоценозы, геосистемы, биомы и т.п.) организуется информация таким образом, что она способна отражать, к примеру, поведение экосистем как целостных природных объектов при совокупном воздействии множества естественных и антропогенных факторов. В современных условиях, когда численность мирового населения превышает семь миллиардов человек, и продолжает расти, а число жителей городов сравнялось с теми, кто живет на всей остальной территории планеты, сама природа непоправимым образом «втянута» в изменение, по сути своей, сложнейшую переплавку существовавших сотни миллионов лет законов взаимодействия материи, энергии и информации. Особую значимость подобные оценки имеют в установлении баланса между положительной природно-ресурсной рентой доступных районов и

отрицательной рентой ее основного макроположения, что меняется при условии введения как особого показателя – сохранности дикой природы. Базовая, оперативная и сигнальная информация о состоянии природных, аграрных и урбанизированных систем, о качестве среды обитания человека должна стать легко усваиваемой для управленческих решений на локальном, региональном и отчасти, на федеральном уровнях. Тогда естественно признается, что в элементы обеспечения эффективной системы юридической, социальной, экономической и экологической защиты природных экосистем, для сохранения генетического фонда биосферы и регулирующих качественных свойств среды обитания человека следует учитывать, обосновать и показывать не только дефицит ресурсов жизнеобеспечения человека, но и избыток отходов его жизнедеятельности, которые недоступны для рециклирования естественными редуцентами.

Естествознание XX в. имеет дело с множеством картин природы и онтологических схем и моделей, зачастую альтернативных друг другу и не связанных между собой. И анализ тенденций развития теории и методологии современной биологии и экологии (суммарно более 300 дисциплин) показал феномен экспансивного формирования новых локусов исследовательского внимания к экологии и биологии в самом различном смысле в ряде относительно новых дисциплин интеграционного характера. В объяснение этого, предположим, что, прежде всего, представляется, что творческая экспансия ценностей гуманистической составляющей, характерная для некоторых географических дисциплин, должна учитываться при разработке приоритетов исследований в науках о Земле и мероприятиях по сохранению живой природе. Козволюционная стратегия задает новые перспективы для объединения естественных и социальных наук, ориентируя их на поиск новых аналитических единиц и новых способов понимания сопряженности разнообразных этнонациональных и социокультурных общностей с природно-географическими условиями среды, осмысления путей совместной и сопряженной эволюции природы и человека, биосферы и ноосферы, природы, цивилизации и культуры.

Следует признать в этой связи, что, прежде всего, сиюминутные материальные интересы, политические амбиции, желание быстро и хорошо обогатиться любым способом... пока преобладают в современном обществе, но сохранность дикой природы является вполне объективным показателем. Как новую позицию важно доказать, что в современных условиях площадь уже существующих ООПТ, реальные объемы капиталовложений и затрат материальных ресурсов для целей поддержания экологически безопасного состояния окружающей среды вскоре будут не способны предотвратить трагическую ситуацию, при которой непоправимым образом изменится генетическая программа существования человека (как вида). И отметим здесь за важнейший аргумент то, все более усиливается масштабно обостряющийся конфликт между человеком и природой. Полагаю в этом контексте важно более подробно освещать вопросы о существовании уникального своеобразия биосферы (биоразнообразия) и перспективы дальнейшего существования дикой природы в условиях растущей деградации природной среды под воздействием глобальных экологических проблем. Нам стоит надеяться на то, что философия природы, возникающая на рубеже нового тысячелетия, наведет мосты не только между экзистенциальной философией жизни и пониманием природы, но и между естественнонаучной и гуманитарной культурами, между принципами и предельными основаниями естественных и гуманитарных наук [14, С. 31-42.].

Такое понимание природы является исходным (хотя определенно недостаточным) для понимания себя, и для разумной, благой жизни необходимо знакомство с «мудростью природы». Именно в таком аспекте часто утверждается в работах такого плана как о «мудрости природы» (Б. Коммонер) и т.п. Эта мудрость является следствием свойств самой природы и заключенных в ней ценностей. Но не природа, биосфера или природная среда (и ее охрана) как таковые «сами по себе» занимаются исследованием собственных проблем, на основе множества поставленных задач ведутся исследования в естественных науках (и социологии), и таковые нуждаются в интеграции. Далее, учтем, что

российскими географами подчеркивается основополагающая мысль: сырьевые и экологические ресурсы продолжают оставаться одной из основ - "третьим путем цивилизации". Такая ревизия должна касаться основных аспектов (измерений) человеческого сосуществования с природой; ее познания, переживания, оценки, преобразования и использования. И в этом случае, именно Россия с не только ее огромными ресурсными кладовыми, но и в масштабной степени сохраненной дикой природы может предстать новым мировым лидером. Как новую позицию важно доказать, что в современных условиях площадь уже существующих ООПТ, реальные объемы капиталовложений и затрат материальных ресурсов для целей поддержания экологически безопасного состояния окружающей среды ныне не способны предотвратить трагическую ситуацию, при которой непоправимым образом изменится генетическая программа существования человека (как вида). Здесь следует вспомнить, что биосфера, понимаемая Дж. Лавлоком как сложнейшая самоорганизующаяся систем (Гея-гипотеза) во многих районах нарушена вследствие того, что человек, взявшийся за хозяйствование в этой системе, основавший свое благополучие на ее благах, до сих пор не может построить нечто целостное для себя даже в культуре, не говоря уж о том, что научился и способен внимать многим очевидным предостережениям против слишком оптимистичных планов ноосферного регулирования и выделения человечества из общего ряда элементов живой системы.

Большая группа проблем дальнейшей эволюции человека и усиления противоречий в биосоциальной природе человека связана с прогрессирующим разрушением природного в человеке как неотъемлемой части биосферы. Искусственное становится не только частью нашей культуры, частью образа жизни человека, но оно становится и частью человеческого тела, замещающего не только обширные просторы биосферы, но и «биосферные органы внутри человека» [17]. Суть наиболее верной позиции должны заключаться в холистическом понимании значимости биосферы, к которой «прикладывается» житейская мудрость человека – «...субъективной мудрости, содержащей в себе биоцентрически сориентированную, индивидуально переживаемую и принимаемую систему ценностей, с точки зрения которой, человек наблюдает и оценивает природу и свои отношения с ней» [12, С. 146]. Заслуживает особого внимания тот гуманитарный посыл, что «каждый человек имеет право по-своему наблюдать биосферу, оберегать ее и самореализовываться в эмоционально-ценностных связях с природой и другими людьми.

Экософский подход, основанный на особой ценности дикой природы, не отказывая от необходимости глубоких научных исследований, позволяет при этом отдавать себе отчет в неизбежности продолжающегося неостановимого преобразования природы. И мы в процессе ее познания допускаем, принимаем свою невозможность выхода за пределы видения, навязанного нам собственной человеческой природой. Ведь человек всегда программно руководствуется «антропологической заботой»: знание, объяснение природы, ее «аксиологизация» человеку нужны для того, чтобы сделать так, как лучше жить, и даже, в философии природы можно лишь обозначить то, а вообще способно ли человечество еще жить таким образом. Именно в этом следует отметить, что развившуюся мощь современной науки безальтернативно следует направить на сохранение биосферы, соединяя коллективность усилий народов и отдельных индивидов. Пока же, к сожалению, политики не столько заняты мыслями о целостности и нерушимости земного биосферного дома или сохранении дикой природы и здоровья человека, сколько рассуждениями на темы так называемых свобод и прав человека без относительно к вопросам сохранения самой природы (дикой природы), и какого либо убедительного соотнесения существования человечества с реальными возможностями биосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайдено П.П. «От античного к новоевропейскому пониманию природы» // *Философия природы сегодня*. Пер. с польского языка. М.: «Канон+» Роои «Реабилитация», 2009. С. 191 – 218.
2. Кант И. Сочинения. В 8-ми томах.Т.5. М.:Чоро,1994. С.215-217.
3. Фесенкова Л.В., Панкратов А.В. Ноосферное мышление и современная философия природы // *Философия природы сегодня*. Пер. с польского языка. М.: «Канон+» Роои «Реабилитация», 2009. С. 157 - 175.
4. Абрамова Н.Т. Идея генерализации как один из модусов философии природы // *Философия природы сегодня*. Пер. с польского языка. М.: «Канон+» Роои «Реабилитация», 2009. С. 85 – 129.
5. Розин В.М. Эволюции и метаморфозы понятия «природа» // *Философия природы сегодня*. Пер. с польского языка. М.: «Канон+» Роои «Реабилитация», 2009. С. 218 - 267.
6. Легоцкий А.Б. На пути к новой философии природы // *Философия природы сегодня*. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского яз.: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: «Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5 – 13.
7. Бочарников В.Н. Человек в реальности проекций. Учебное пособие. Владивосток: Изд-во МГУ им. адм. Г.И. Невельского, 2011. 332 с.
8. Губин В.Д., Некрасова Е.Н. Философская антропология. Учебное пособие. М.: Форум, 2008. 400 с.
9. Гуревич П.С. Философская антропология. Учебное пособие. 20е изд. М.: Изд-во «Омега-Л», 2010. 607 с.
10. Марков Б.В. Философская антропология. Учебное пособи. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
11. Бочарников В.Н. Ценности в дикой природе для современного человека – новый актуальный фокус междисциплинарных исследований // *Астраханский вестник экологического образования*, № 4. 2012. С. 97-104.
12. Збигнев Х. Экософская философия природы // *Философия природы сегодня*. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского языка: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 141-156.
13. Леманьска А. Роль достижений естественных наук в философии природы *Философия природы сегодня*. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского языка: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009, С. 345-357.
14. Лисеев И.К. Природа в современном философском дискурсе // *Философия природы сегодня*. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского языка: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 29-42.
15. Бочарников В.Н. Биоразнообразие: оценка и соранение на основе технологий ГИС. Владивосток: Дальнаука, 1998. 288с.
16. Адрианов А.В. Стратегия и методология изучения морского биоразнообразия // *Биология моря*, Т. 30, № 2. 2004. С. 91-95.
17. Демиденко Э.С., Шаталов А.Т. Противоречивый характер биосоциальной природы – современного человека *Философия природы сегодня*. Ред. И.К. Лисеев, В. Луговской. Пер. с польского языка: В.Л. Васюков, Е.Н. Шульга. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 425-437.
18. Naess A.A. Defensr of Deep Ecology Movement // *Environmental Ethics*. Vol. 6. 1984. P. 265-270; Naess A. *Ecology, Community and Lifestyle*. Cambridge University Press, 1989. P. 38;